



дель, которую используют платья, чтобы выйти в свет софитов и под вспышки фотокамер. Но что-то идет не так, одно из платьев, самое красивое, пышное, расшитое камнями, практически платье Золушки на балу, чем-то огорчено. Его стразы превращаются в своеобразные слезы, которые отрываются и падают на пол. Платье выбрало не ту женщину. Они не созданы друг для друга, женщина противится ему, ставит на платье пятно, отчего платю становится еще хуже. После дол-



гих душевных метаний самое красивое платье обретает новую жизнь благодаря девочке-горничной. Она находит этого спрятавшегося главного героя фильма. Они вдруг нравятся друг другу. Платье счастливо на девочке, и они выходят в свет. И тут, когда все хорошо, снимков платья и девочки не может сделать никто — у подбежавших фотографов в камерах садятся аккумуляторы. Настоящее счастье и гармония не могут быть запечатлены папарацци и фотографами, жизнь которых сведена к поиску минутных слабостей, искусственных поз на красной дорожке и фальшивых улыбок. Настоящему счастью не место в журналах и газетах, ему не нужны вспышки. Оно самодостаточно. Платье с девочкой уходит, девочка улыбается. Занавес.

На первый взгляд эта полусказка достаточно проста. Но с каждым просмотром она открывается все больше: не как сказка, а как сложное психологическое произведение с многократно наложенными друг на друга вопросами, ответы на которые можно искать только в себе. Вопросы эти и о жизни, о потреблении, о выборе, о счастье и любви, об ошибках, о разочаровании, настоящем и проходящем. За простыми, почти примитивными образами, одежды как людей, камней как слез, моря как всей жизни и человеческой массы в целом, фотографов как всего того ненужного, чего хватает в нашей жизни, Рорвакер в конце концов задает главный вопрос сама себе. А действительно ли счастье так просто и достижимо? И, по сценарию этого фильма, не дает никакого ответа.

КАК ЗАМЕЧАЕТ САМА РЕЖИССЕР,
в фильме «больше вопросов,
на которые ответы так и не даны»